

К вопросу об этническом происхождении бурятского рода харанут

С. Б. Болхосоев*

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Представлен анализ этнических истоков одной из крупнейших родовых групп западных бурят, известной под этнонимом «харануты». Рассматриваются вопросы их локализации в пределах бурятского этнокультурного пространства, происхождения этнонима и этнической принадлежности. Доказывается, что харануты сформировались на северо-западной окраине бурятского этнического пространства, в пределах бассейна рек Уды и Оки, расположенного в Предбайкалье. Установлено, что харанутская группа представляет собой этнолокальное образование, сформированное на основе пришлого монгольского компонента, который ранее доминировал в определенной части удинско-окинского края и тесно взаимодействовал с тунгусскими и енисейскими этническими группами.

Ключевые слова: буряты, харануты, тунгусы, котты, ойраты, монголы, родовая группа, этноним, происхождение.

Болхосоев С. Б. К вопросу об этническом происхождении бурятского рода харанут // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геархеология. Этнология. Антропология.* 2025. Т. 53. С. 30–42. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.53.30>

On the Ethnic Origin of the Buryat Group Kharanut

S. B. Bolkhosoev*

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to studying the ethnic origins of one of the largest tribal communities of the Western Buryats, known by the ethnonym “Kharanut”. The relevance of this research is due to the insufficient study of the ethnic origin, territory, and time of formation of the West Buryat tribal group. It is based on comparative and etymological methods. Analysis of historical data and genealogical traditions shows that the formation of the Kharanut group took place on the northwestern periphery of the Buryat ethnic region within the Uda-Oka interfluve, located in the Cis-Baikal region. It has been established that in this region, the Kharanut people interacted closely with Tungusic and Yeniseian ethnic groups and constituted the leading group. This is indicated by the ethnonym of this group, which is used in combination with other general designations of Buryat, Tungusic, and Yeniseian ethnic groups. Such ethnic contacts predetermined the mutual influence and interpenetration of ethnic elements. This is confirmed by both historical records and the oral tradition of the Buryats. At the same time, the Mongolian origin of the Kharanut people is clearly evident, which is confirmed by the etymological analysis of their ethnonym. A strong argument in favor of this is also provided by data from oral tradition, which indicates a foreign Mongolian element in the behavior of the Kharanut people. In this case, the ethnonym of the Buryat Kharanuts is consistent with the generic names of the Western Mongols. This is also confirmed by a comparison with the historical ethnonyms of the medieval Mongols, known from the writings of the medieval chronicler Rashid al-Din. Furthermore, a review of the ethnonymy of the peoples of the Altaic language family provides strong arguments in favor of the Mongol identity of the Kharanut people. For example, their ethnonym is found primarily among Mongolian ethnic groups. All of this gave reason to believe that the Kharanut people are not the indigenous population of the Cis-Baikal, but rather an ethnic group of Mongolian origin that migrated to this region. The time of their appearance in the Cis-Baikal region and the formation of the Kharanut association is conventionally dated to the 15th–16th centuries, since this group was already mentioned in historical documents in the 17th century.

Keywords: Buryats, Kharanuts, Tungusic peoples, Kotts, Oirats, Mongols, ancestral group, ethnonym, origin.

For citation: Bolkhosoev S. B. On the Ethnic Origin of the Buryat Group Kharanut. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series.* 2025, Vol. 53, pp. 30–42. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2025.53.30> (In Russ.)

* Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full authors information.

Введение

В исследованиях по этногенезу и этнической истории бурят остается немало вопросов, касающихся некоторых родовых групп, сопоставимых по масштабу расселения и составу подразделений с племенными объединениями. К таковым относятся, например, харануты (бур. *харнууд*), представлявшие к концу XIX – началу XX в. крупнейшую родовую группу, распределенную по девяти административным родам, которые, в свою очередь, делились на предбайкальскую и

Забайкальскую часть. Первая, например, состояла из пяти административных родов, вторая из четырех образований [Нанзатов, 2018, с. 81, 134; Балдаев, 2019, с. 620; Цыдендамбаев, 1972, с. 253]. Ввиду их немалого количества и широкого расселения, у бурят сложилось представление, что «харанутский род – самый многочисленный и сильный род среди бурят-монгольского народа» [Балдаев, 2019, с. 465]. При этом он, с одной стороны, причислялся к булагатскому племени, с другой – его связывали с джунгарским компонентом [Там же, с. 187, 381]. Кроме того, существуют мнения об эвенкийском прошлом данной группы [Долгих, 1960, с. 220, 253; Токарев, 1939, с. 115; Цыдендамбаев, 1972, с. 252], а также о ее монгольском происхождении, поскольку харануты являются одним из заметных родов халха-монголов и ойратов, известных со средневековья [Нимаев, 2000, с. 147; Очир, 2016, с. 202].

Из этого следует, что вопросы этнической принадлежности и истории харанутов до сих пор остаются открытыми и не имеют однозначного решения в науке. Хотя некоторые аспекты их прошлого были затронуты в обобщающих работах по истории и этнографии бурят. Это, например, труды С. А. Токарева [1939], Б. О. Долгих [1960], Ц. Б. Цыдендамбаева [1972], С. П. Балдаева [2019], Д. Д. Нимаева [2000], А. Очира [2016] и др. Следовательно, исследование данной тематики является одной из актуальных ныне проблем, поскольку ее рассмотрение имеет большое значение для понимания истоков и процессов формирования бурятского народа, открывая новые перспективы для научных изысканий в области этнологических знаний. В рамках предлагаемой статьи мы попытаемся рассмотреть истоки происхождения харанутов, так как их изучение позволяет реконструировать этническую основу бурятской группы и выявить ее исторические корни.

В работе использовались историко-сравнительный, сравнительно-сопоставительный и этимологический методы. Источниками для исследования послужили архивные и опубликованные научные материалы.

Общие сведения

Приступая к рассмотрению основной части статьи, следует дать краткую историческую справку о бурятских харанутах. Так, первые достоверные сведения о них можно обнаружить в письменных документах периода завоевания русскими бурят в XVII в. По этим данным, харануты выступали весьма заметной группой, занимавшей северо-западные окраины бурятского расселения – районы рек Уды, Ии, Оки и Зимы [Долгих, 1960, с. 210, 251, 256]. Также они отдельной группой фиксируются на юго-востоке, в бассейне р. Куды [Там же, с. 220]. В целом исконными землями харанутов в XVII в. являлись приангарские районы Предбайкалья, но их основной массив, судя по данным исторических источников, концентрировался в удинско-окинском крае. В Забайкалье же они проникают в следующем веке в ходе принудительного переселения, организованного царской администрацией в военно-политических интересах Российского государства [Санжицыбикова, 2005, 49]. Здесь, в бассейне р. Селенги, харануты расселились отдельными частями [Бурятские ... , 2011, с. 120], известными ныне как иволгинские, оронгойские, жаргалантуйские, загустаевские и иройские харануты [Цыдендамбаев, 1972, с. 251].

При этом политика переселения коснулась в большей мере удинско-окинскую часть харанутов [Долгих, 1953, с. 41; Цыдендамбаев, 1972, с. 253], повлияв на ее численность. Например, к концу XIX в. она представляла собой всего лишь один административный род с немногочисленным населением [Нанзатов, 2018, с. 134]. В то время как кудинские и забайкальские харануты были многочисленны и составляли восемь административных родов [Нанзатов, 2016, с. 100; 2018, с. 81; Цыдендамбаев, 1972, с. 253]. Но по этническому составу данные административные образования были неоднородны. В их составе присутствовали ответвления различных родов, принадлежащих по своему происхождению к разным родоплеменным группам бурят – буин, шаралдай, абаганат, хасама, хонгдор, хамниган, бошин, шошолок, ашабагат и т. д. [Нанзатов, 2016, с. 100–103, 138]. Это было обусловлено особенностью административной системы XVIII–XIX вв., устроенной русскими властями на территориях расселения бурят и учитывавшей при организации родовых образований скорее территориальную близость бурятских групп, нежели их общность происхождения. Например, этим же обстоятельством продиктовано включение отдельной части харанутов, территориально отдаленной от мест проживания сородичей, в состав другого бурятского административного образования – эрхидеевского рода, проживавшего в долине р. Осы [Балдаев, 2019, с. 188; Нанзатов, 2018, с. 118]. Здесь основу административного рода, безусловно, составили эрхидеевцы, на что указывает название этого образования. Таким же образом, можно сказать, были обусловлены и административные названия харанутских родов.

Несмотря на обособление, харануты (кудинские, осинские, селенгинские и др.) сохранили представление о былом единстве [Балдаев, 2019, с. 465] и общем географическом происхождении, которое в границах бурятского этнического ареала связано с удинско-окинским краем [Там же, с. 186–187]. Следовательно, формирование бурятских харанутов происходило на северо-западной периферии бурятских земель, граничащей в прошлом с территориями обитания тунгусских и енисейских родоплеменных групп. Именно здесь в XVII в. фиксируется большая группа харанутов, известная под названием «каранутский/каранитский/караноты» [Долгих, 1953, с. 44–45; 1960, с. 220; Токарев, 1939, с. 115], применявшимся также к корчунам и быкотам [Токарев, 1939, с. 115; Долгих, 1960, с. 220]. Это подтверждается историческим термином «каранитские волости», который использовался для обозначения указанных групп. Так, например, Быкотский улус в 1669 г. фигурирует в качестве «Каранитские (т. е. Харанутской) волости... Быкеева улусу» [Долгих, 1960, с. 220]. Следовательно, этот род (улус), за которым, как пишет Б. О. Долгих, закрепилось название, образованное «от собственного имени его главы, первоначально назывался харанутов» [Там же]. Исходя из этого, можно предположить, что ведущей группой «каранитских волостей» были харануты. Об этом, например, сигнализирует имя, прилагаемое к другим обозначениям: «Отдельная группа корчунцев жила на р. Ие и носила особое имя: караноты». При этом оно не раз упоминается в источниках первой половины XVII в. как «Иские Корчуны, словут Караноты». В более позднее время, например, в документе 1685 г., тоже говорится об «Ийских корчюнах» [Токарев, 1939, с. 115], но уже без дополнительного имени харанутов, обусловленного, на наш взгляд, процессами распада бурятских объединений (союзов родов) вследствие известных событий, произошедших в середине и во второй пол. XVII столетия (русская экспансия,

миграция бурят в Монголию, репатриация и т. д.). В результате этого харануты, ранее игравшие ведущую роль, утратили свое влияние и их название перестало использоваться для обозначения других родовых групп, совместно проживавших с ними в одной географической локации.

Этнические корни харанутов

Между тем особый интерес вызывает вопрос об этнической принадлежности харанутов, который является предметом научных дискуссий. Ряд исследователей в качестве аргументов использует исторические документы конца XVII в., где харануты сопоставлялись с тунгусами: «В ясачной книге Балаганского острога 1689 г. мы находим группу “Каранутцких тунгусов” (9 человек). В 1700 г. балаганскому прикащику была подана челобитная “Борондоева роду и Каранутцкого роду тунгусов”. – Однако надо иметь в виду, что в новейшее время известны бурятские, а не тунгусские Харанутские и Боролдоевский роды в Балаганском и Иркутском округах» [Токарев, 1939, с. 115]. Отметим, что эти данные в свое время позволили отдельным ученым выдвинуть предположение о тунгусском происхождении харанутов [Там же], получившее широкое распространение в литературе. Тем не менее полностью согласиться с данной точкой зрения не позволяет, например, родовой этноним харанутов, который с упоминаемым именем другой группы легко объясним средствами бурятского языка: *хара* ‘черный/темный’ [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 397], оформленное суффиксом множественности *-нууд*; *боро* ‘серый/смуглый’, составленное усилительной частицей *-л* [Рассадин, 1988, с. 52] и уменьшительно-ласкательным аффиксом *-дай/-дой* (или *-лдай/-лдой*) [Дондуков, 1964, с. 21, 24]. Данное обстоятельство может указывать на монгольские корни носителей этих названий и демонстрировать их языковую принадлежность.

Помимо этого, нельзя исключать вероятность того, что харануты после своего возвращения из вынужденной эмиграции в Монголию во втор. пол. XVII в. могли быть лишь остатками некогда более многочисленной группы. Вследствие этого они могли смешаться со своими соседями-тунгусами, находившимися ранее в их подчинении. В ту эпоху, как известно, буряты легко одолевали и превращали в кыштымов тунгусские и енисейские племена [История Усть-Ордынского ..., 1995, с. 91]. При этом отдельные группы бурят кочевали среди своих кыштымов [Долгих, 1953, с. 43]. Такие контакты вполне могли перерасти в этническую миксацию, способствовавшую образованию отдельной общности. И, судя по историческому названию «харанутского роду тунгусы», группа сформировалась, скорее всего, в результате подобного слияния. Как известно, объединительный процесс обусловлен обычно территориальным смешением [Тавадов, 2002, с. 200], характерным ранее для окинских бурят и эвенков [Егунов, 1990, с. 71], и большим числом межэтнических связей, приводящих к значительной миксации контактирующих этнических групп, а затем и ассимиляции одной из них [Тавадов, 2002, с. 200, 217].

С другой стороны, о монгольских корнях харанутов повествуют данные устной традиции бурят. Они сообщают о связях с сэгэнутами и такими регионами, как Алтай, Джунгария и Халха (Монголия) [Балдаев, 2019, с. 188, 339, 381]. И это, несомненно, является важной частью преданий, поскольку указывает на пришлый элемент этнической основы бурятских харанутов, примкнувшей, видимо,

на территории Приангарья к тем же алтайским/джунгарским мигрантам сэгэнутам. Отсюда, вероятнее всего, возникло представление об их родстве, отмечаемое в преданиях. С другой стороны, эта близость могла быть продиктована и ображениями былых связей, существовавших на прежних местах проживания. Тем не менее итогом данного союза стал его распад, вызванный как противостоянием с соседними племенами, так и внутренними противоречиями, и который отражен особенно в устной традиции родов сэгэнутского круга (сэгэнуты, икиматы, нараты, зунгары, дурлайевцы, хонхираты, харануты). Причем заметно также сходство сюжетов, которые излагаются следующим образом: «многочисленны и воинственны, но были разбиты, раздроблены или истреблены» [Балдаев, 2019, с. 321, 331, 344, 346; ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 88, 89 л.; Румянцев, 1949, с. 160; Балдаев, 1961, с. 73; ф. 36, оп. 1, д. 883, л. 11].

Этим же, полагаем, можно объяснить локализацию в XVII в. основной части харанутов и многих сэгэнутов, таких как икиматы, зунгары, хайталы и другие группы, которые занимали северо-западную периферию бурятского ареала. Концентрация этих групп на одной территории, видимо, предрасполагала к сохранению представлений об общей прародине, связанной с Западной Монголией, сопряженной с Алтаем и Джунгарией. Функционированию представлений также мог содействовать дополнительный приток западно-монгольского элемента, бежавшего из-за джунгаро-монгольских и других войн XVII–XVIII вв. [Балдаев, 2019, с. 33; ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 64, 99]. Отзвуком той волны (или волн беженцев), скорее всего, является выражение, отражающее положение изгоев: *Бидэ торгодой тоймогууд, үнгэйн үнэшэдэбди* ‘Мы торгоутские безрогие, унгинские сироты’. И под этими «торгоутами» [Балдаев, оп. 1, д. 828, л. 88], по сообщению С. П. Балдаева, подразумевались вышеперечисленные бурятские группы, прародиной которых считались Алтай и Хухэй (*Алтайн араһаа, Хүхэйн хубшиһөө*) [Там же, л. 88].

Как известно, Алтай и Хухэй – горные системы Западной Монголии, издревле почитаемые ойратскими и тюркскими этносами. С ними же связаны их представления о родине [Эрдэнэболд, 2012, с. 34, 38; Донгак, 2018, с. 133], не забытые бурятскими «алтайцами/джунгарами» – торгоутами и олетами [Балдаев, 2019, с. 33], под именами которых подразумевались родовые группы как западно-монгольского происхождения, так и тюркского [Болхосоев, Болхосоева, 2023, с. 111]. И те же самые этнонимы и топонимы конкретизируют предполагаемую географию происхождения рассматриваемых нами бурятских харанутов, некогда проживавших совместно с ойратами. В пользу этого указывает этнонимика современных западных монголов, в составе которых фигурируют харануты, и в том числе, что примечательно, боролдоевцы и хонхираты [Нанзатов, 2013, с. 140, 142].

Идентичность этих наименований с бурятскими этнонимами считаем неслучайным совпадением, поскольку она, скорее всего, свидетельствует об общности происхождения их носителей, связанных с монгольским субстратом. Особенно это касается харанутов и хонхиратов, имена которых говорят об определенной близости к названиям средневековых восточномонгольских племен XIII в. – «каранут» и «кунгират» [Рашид-ад-дин, 1952, с. 160–161, 164], включавшихся в состав коренных монголов, обитавших по Хинганскому хребту в местах Хулун и

Буир [Очир, 2016, с. 202, 214]. При этом они составляли единую общность³ [Рашид-ад-дин, 1952, с. 160–161], целостность которой, судя по бурятским харанутам и хонхиратам, по всей вероятности, являющихся потомками одной из ветвей этого объединения, просуществовала до XVII–XVIII вв.

На это указывают материалы С. П. Балдаева, согласно которым хонхираты, присутствующие в составе современных аларских бурят, прежде населяли более северные территории по рекам Шарагол, Зима и Ока [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 828, л. 89 л.; Балдаев, 1961, с. 75], т. е. жили на одной территории с харанутами [Балдаев, 2019, с. 458]. Разумеется, что это неслучайное соседство, по всей видимости, было обусловлено их единством, основанным на общности происхождения. В связи с этим также небезынтересно отметить, что генеалогическая традиция харанутов возводит свои корни к прародителю по имени Тосбод [Балдаев, 1961, с. 73, 77], удивительным образом напоминающему, по сведениям средневекового летописца Рашид-ад-дина, имя основателя кунгиратского племени каранутов Тусубу-Дауда [Рашид-ад-дин, 1952, с. 161, 164]. С точки зрения С. П. Балдаева [1961, с. 73, 77] и на наш взгляд, их соотносительность вполне очевидна и определенно указывает на этногенетические истоки бурятских харанутов, связанных с монгольской основой.

Возможно, что бурятские харануты и хонхираты в основе своей принадлежат к той части кунгиратов, которую монгольский завоеватель Чингисхан отправил в область Тумат. Согласно Рашид-ад-дину, он «выделил четыре тысячи мужей из племен кунгират», потомки которых в нач. XIV в. проживали в той же области, в «пределах страны киргизов» / Восьмиречье (Секиз-мурэн) [Рашид-ад-дин, 1952, с. 118, 122, 162]. То есть в верховьях р. Енисей, сопряженных с современными районами Северо-Западной Монголии, где до сих пор фиксируются группы харанутов и хонхиратов, вероятных потомков вышеуказанных средневековых племен. И с этим же именно регионом, безусловно, населенным издревле ойратскими и тюркскими этническими группами, связывают свои географические истоки бурятские харануты и хонхираты. Следовательно, из этого, вероятно, региона предки данных групп либо в отдельности, либо совместно с ойратскими и тюркскими элементами, известными в бурятской традиции под именами сэгэнатов/олетов/торгоутов, проникли в Предбайкалье. Что касается времени появления харанутов в Предбайкалье, то оно выпадает примерно на XV–XVI вв., поскольку в XVII столетии уже существующая этническая группа фиксируется в исторических документах.

Также в контексте изложенного представляется целесообразным обратить внимание на следующий примечательный факт: этноним «харанут» преимущественно используется для обозначения монгольских этнических групп. Этот термин встречается в этнонимике бурят, ойратов [Бакаева, 2009, с. 81], калмыков [Авляев, 2002, с. 52], халхасцев [Очир, 2016, с. 202] и баргутов (Внутренней Монголии Китая) [ПМА].

В этнической же номенклатуре тюркских народов отсутствует данный этноним, хотя в ней представлены отдельные монгольские по происхождению

³ Отметим, что средневековая монгольская общность, именуемая кунгиратами, разветвилась на многие поколения в процессе монгольских завоеваний и переселений на другие территории. Эти поколения в качестве этнических компонентов вошли в состав современных тюркских (узбеков, казахов, киргизов и т. д.) [Зориктуев, 2011, с. 151] и монгольских народов (халхасцев, бааринов) [Очир, 2016, с. 214–215].

наименования, которые во многом сохранили свою первоначальную лексическую форму. В качестве примера можно привести уже упомянутый этноним «хонхират»: у киргизов он имеет форму *конгурат* [Абрамзон, 1960, с. 62], у ногайцев – *конгырат* [Керейтов, 2009, с. 39], у каракалпаков – *конграт* [Жданко, 1950, с. 35], у казахов – *конрат* [Востров, Муканов, 1968, с. 77].

Не удалось выявить харанутское название у тюркских этнических групп, проживающих в непосредственной близости от монгольского этнокультурного ареала, таких как тувинцы, алтайцы и хакасы. Лишь обзор литературы по родоплеменному составу тунгусских и енисейских этносов, находившихся в плотном контакте с бурятскими и монгольскими этническими группами в XVII в., представляет незначительное количество примеров. Носителями имени харанутов были окинские и ононские эвенки и удинско-ийские корчуны [Долгих, 1960, с. 346; Токарев, 1939, с. 115], которых Б. О. Долгих причисляет к коттам [Долгих, 1960, с. 346]. Им же в ходе исследования было установлено, что летописное наименование ононских харанутов представляет собой искаженную форму эвенкийского родового этнонима *хара-намят* [Там же, с. 347]. Таким образом, на основании проведенного анализа можно констатировать, что этноним «харанут» имеет монгольское происхождение и используется в пределах монгольского этнокультурного ареала.

Номинальные харануты

Аналогичное утверждение можно сделать относительно этнонимов «корчун», «быкот», «боронут» и «мунхалют», часть носителей которых, судя по общему названию «караноты», проживали в непосредственной близости с харанутами и развивались в рамках единой этнокультурной парадигмы, основанной на монгольском (бурятском) субстрате. Говоря о корчунах, следует отметить, что они состояли из двух групп, имевших, согласно историческим сведениям, разные статусы. Например, корчуны, кочевавшие по р. Чуне, отмечены зависимой от бурят группой, представители которой вместе с ийской частью, с точки зрения С. А. Токарева и Б. О. Долгих, не являлись бурятами по происхождению [Долгих, 1953, с. 44–45; Токарев, 1939, с. 115], а принадлежали, как сказано выше, к енисейскому населению, в частности коттам [Долгих, 1953, с. 41].

В полной мере с данным мнением нельзя согласиться, поскольку имя корчунов вполне сопоставимо с этнонимом *хорчин/хорчон/хоршон*, широко распространенным среди современных бурят верховья Оки, долин Иркутка [Балдаев, 2019, с. 119, 614–615] и Джиды. К тому же носители данного этнонима ассоциируются с этнической группой хойхо [Нанзатов, 2018, с. 190], т. е. булагатами, одним из главных бурятских племен, у которого отдельные подразделения в силу ряда причин, вызванных событиями XVII–XVIII вв., мигрировали из Приангарья в вышеуказанные местности [Балдаев, 2019, с. 179–180, 479]. Следовательно, корчуны – хорчины, приангарские мигранты, переселившиеся, вероятнее всего, в тех же временных рамках, что и булагаты, и причем значительной частью, поскольку современные хорчины представляют собой крупнейшее подразделение в составе родов тункинских и закаменских бурят [Нанзатов, 2018, с. 190]. Меньшая же часть группы осталась в удинско-окинском крае, вошла в состав нижеудинских бурят и известна в данное время под тем же именем *хорчин*, произносимым в силу специфики местного диалекта в форме *хоршин/кхоршон/коришун* [Там же, с. 196–197].

При этом следует добавить, что за пределами бурятского этнического ареала данный этноним также распространен у родоплеменных групп Монголии и Внутренней Монголии. Причем основная масса носителей этнонима населяет Внутреннюю Монголию, и это в целом указывает на их монгольский генезис, который был рассмотрен ученым А. Очиром. С его точки зрения, история образования хорчинов восходит к средневековью, к временам формирования частей монгольской армии, которые получали наименования по определенной службе. Часть, несшая охранную службу при ханских дворцах и ставках, впоследствии выделившаяся в отдельную общность, обозначалась монгольским термином *хорчин* со значением ‘человек с колчаном’ [Очир, 2016, с. 221], ‘оруженосец’ [Шагдаров, Черемисов, 2010б, с. 451], подразумевавшим в то же время социум подчиненной, второстепенной позиции. Следовательно, этноним хорчинов можно еще трактовать как «подразделение», «соединение», а это вполне применимо в отношении удинско-ийских корчунов, бывших составной частью удинско-окинских бурят.

Вместе с тем нельзя отрицать общности происхождения корчунов с монгольскими сородичами, поскольку об этом не только говорит сходство этнонимов, но на это указывают бурятские исторические предания. Например, по одной из версий, происхождение корчунов связывается с Баргой (Внутренней Монголией), по другой – они считаются монгольским племенем, пришедшим на Оку из местности Алтай и Хухэй [Балдаев, 2019, с. 119, 127, 655]. Вдобавок о монгольских истоках свидетельствует язык шаманского призывания корчунов, сохранивший специфику монгольской фонетики, в частности употребление в словах звука *-с* вместо бурятского *-h* (*дайдасаан* – *дайдаһаан*, *суусан* – *һууһан*) [Там же, с. 127]:

*Алтай дайдасаан
Арюулан ерэлэйбди,
Хүхэ дайдасаан
Хүнүүлэн ерэлэйбди.
Түрүүн суусан дайдамнай,
Түргэн урасхалтай Аха...*

*Освятив себя,
Мы пришли с Алтая,
Обкурив себя,
Ушли мы с Хухэя,
Ранее освоенное место –
Это река Ока...*

Таким образом, можно сказать, что этнической основой корчунов выступил монгольский элемент, представлявший в XVII в. заметную группу, которая, населяя земли от Ии до Чуны, вполне могла иметь в подчинении коттов и при этом кочевать среди них. Следовательно, нельзя исключать этническую неоднородность, в частности, чунских корчунов, проживавших в приграничье, на стыке взаимодействия бурят и коттов. Вероятнее всего, чунские корчуны в XVII в. представляли собой двухкомпонентную этническую группу, преобразовавшуюся в ходе этнических процессов в однородный бурятский элемент.

Касаемо следующей «каранотской» группы, носившей название «быкоты», следует обратить внимание на данные устной традиции бурят, которые свидетельствуют об их монгольском происхождении. Приведем запись предания, сделанную бурятским этнографом С. П. Балдаевым: «Предки Бухэта Голо и Ноодор тоже пришли из Монголии /Алтая/, жили в Унге, а потом вследствие нападения казаков ушли обратно в Монголию. Бухэт родился в Монголии, на Алтае. Но так как на Алтае тогда шла ужасная война, то Голо и Ноодор пришли сюда снова и поселились на р. Унге и стали платить албан русским казакам» [Балдаев, ф. 36,

оп. 1, д. 883, л. 94, 114]. Там же отмечается, что Бухэт был изгнан из долины Унги сыновьями Болота – Олзоем, Хулмээнгэ и Муруем [Балдаев, ф. 36, оп. 1, д. 883, л. 113], предками унгинских булагатов, в прошлом занимавших главенствующее положение среди бурят окинско-унгинского края. В исторических документах они обозначались как «большие братья», которые, на наш взгляд, оказали влияние на географию расселения быкотов, и в том числе харанутов.

Отсюда и происходит локализация быкотов на северной окраине балаганских (унгинских) булагатов, примыкавшей в XVII в. к местам расселения тунгусов. Последние «были киштымами балаганских булагатов, самый северный улус которых Букиев, он же Быкотский и Быкиев, находился против устья Уды и в XVII в. и в 1897 г.» [Долгих, 1960, с. 210]. Такого рода этническое соприкосновение, как сказано выше, предопределяло взаимовлияние и взаимопроникновение этнических элементов. Следовательно, вполне допустимо, что быкоты в этногенетическом отношении могут быть разбавлены тунгусским элементом, но не в полной мере являться собственно эвенками по происхождению, как полагал Б. О. Долгих [Там же, с. 220]. Судя по данным устной традиции, которые связывают происхождение быкотов с Монгольским Алтаем и харанутами, можно предположить, что они имеют монгольские корни. При этом близость к харанутам подтверждается как историческим обозначением, так и самоидентификацией быкотов как части харанутов. Свидетельствуют об этом, например, улусы быкотских родов, носившие соответствующие названия, такие как Верхне-Харанутский и Нижне-Харанутский [Балдаев, 2019, с. 187–189].

В связи с этим можно установить этимологию родового названия быкотов – *бүхэд*, которое, по нашему мнению, объясняется на основе бурятских лексических элементов *бүхэ* (от *бүхэхэ/бүхэд гэхэ* ‘пригнуться, сгибаться; склонять голову’, *бүхэ* ‘задняя часть тела, зад’ [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 168]), с показателем множественности *-д*, со значением ‘пригнутые/склоненные’ или ‘находящиеся позади, сзади’. Полагаем, что родовое наименование было обусловлено периферийным положением быкотов, которые обитали на границе булагатских и, вероятно, харанутских кочевий. Вследствие этого они соседствовали с группами, известными как боронуты [Балдаев, 2019, с. 342] и мунхалюты [Балдаев, оп. 1, д. 828, л. 2]. Последние, согласно преданиям, выступали ответвлениями сэгэнутского племени [Балдаев, 2019, с. 328, 330–331], у которых в результате близких контактов (семейно-брачных связей) с быкотами, в целом харанутами, возникли представления об их родстве [Балдаев, 2019, с. 328; 1961, с. 73]. Например, генеалогия мунхалютов возводится к общему с харанутами предку, вышеупомянутому как Тосбод [Балдаев, 1961, с. 73, 77].

Взаимодействие с харанутами, носителями монгольской этнокультурной основы, вполне могло отразиться на названиях боронутов и мунхалютов. Например, первое наименование происходит от *боро* ‘серый/смуглый’ и суф. мн. ч. *-нууд* (в некоторых монгольских традициях имеет еще значение ‘черные’ [Очир, 2016, с. 47]); второй этноним оформлен, по нашему мнению, в результате образования имени из бурятской лексической основы *мунха* ‘темный’ [Шагдаров, Черемисов, 2010а, с. 563], усилительной частицы *-л* [Рассадин, 1988, с. 52], аффикса, указывающего на присутствие признака *-юу* [Митрошкина, 1976, с. 58] и окончания мн. ч. *-т/-д*. Таким образом, боронутов и мунхалютов также можно условно причислить к каранотам – харанутам. Кроме того, рассмотренные родовые

этнонимы, этимологизированные на основе бурятского языка, позволяют сделать вывод о том, что их носители составляли с харанутами, видимо, локальную общность, принадлежащую в основе своей к монгольскому этническому субстрату.

Заключение

На основании данного исследования можно сделать вывод, что формирование харанутов в рамках бурятского этнокультурного ареала происходило на базе пришлого монгольского компонента, который ранее играл ведущую роль в определенной группе удинско-окинских бурят. Его, несомненно, лидирующая роль отразилась в обозначении родовых формирований этнонимом «харануты», который обнаруживается при изучении исторических материалов XVII в. и этнографии бурят. При этом выясняется, что данный этноним, легко объяснимый средствами монгольских языков, также указывает на соответствующие корни его носителей. Не противоречат этому устные предания бурят, связывающие этнические корни харанутов с территорией современной Монголии и бурятскими родами джунгарского происхождения. Вдобавок обнаруживается созвучность этнонимов бурятских харанутов и близких к ним групп с родовыми названиями западных монголов. Это же выявляется при сравнении с историческими этнонимами средневековых монголов, причем заметна близость генеалогического родства (сходство в именах предков). Также обзор этнонимики народов алтайской языковой семьи предоставляет веские аргументы в пользу монгольской принадлежности харанутов. Например, их этноним преимущественно встречается среди монгольских этносов. Отметим и то, что этимологический анализ родовых названий бурятских групп (боролдой, хонхират, хорчин, быкот, боронут, мунхалют), связанных с харанутами, также демонстрирует общие с ними этнические и этнокультурные истоки. Все это, как нам кажется, может свидетельствовать в пользу монгольского происхождения бурятских харанутов, которые в силу своего географического расположения в удинско-окинском крае тесно взаимодействовали с тунгусскими и енисейскими группами.

Источники

- Балдаев С. П. Буряты. О бурятах племени хонгодор // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 828. Л. 2, 64, 69, 88, 89.
- Балдаев С. П. Происхождение и расселение ольхонских бурят. 1913–1942 гг. // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведе-
- ния, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 883. Л. 11, 94, 113, 114.
- ПМА – Экспедиция в Хулунбуирский городской округ Автономного района Внутренней Монголии Китайской Народной Республики, 2015–2017 гг. Опрос, проведенный в июле 2017 г. в г. Баян-Хурэ (информант – Буяндэлгэр, 1947 г. р.).

Список литературы

- Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–137.
- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд. перераб. и испр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Бакаева Э. П. Торгуты Монголии: этнический состав и этнические маркеры // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2009. С. 69–86.
- Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 178 с.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: НоваПринт, 2019. 720 с.
- Болхосоев С. Б., Болхосоева Е. Б. Проблемы прародины этнических корней бурятской группы сэгэнутов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2023. Т. 44. С. 99–120.
- Бурятские летописи / сост.: Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Респ. тип., 2011. 224 с.
- Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменная состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.

- Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 1. С. 38–63.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : АН СССР, 1960. 621 с.
- Донгак А. С. Топонимические предания и легенды Юго-Восточной Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 3. С. 126–147.
- Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1964, 246 с.
- Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX – начале XX века. М. : Изд-во АН СССР, 1950. 172 с.
- Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. Ч. 1. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 170 с.
- Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М. : Вост. лит., 2011. 278 с.
- История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л. М. Дамешек. М. : Прогресс, 1995. 544 с.
- Керейтов Р. Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры : монография. Ставрополь : Сервисшкола, 2009. 464 с.
- Митрошкина А. Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов // Ономастика Бурятии. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1976. Вып. 26. С. 46–68.
- Нанзатов Б. З. Этнический состав и расселение народов Монгольского Алтая и Прихубсугуля в начале XX века // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. Т. 2. С. 138–151.
- Нанзатов Б. З. Забайкальские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение: моногр. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 290 с.
- Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
- Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2000. 190 с.
- Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста : КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Рассадин В. И. Особенности лексического состава нижеудинского говора // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1988. С. 43–68.
- Рашид-ад-дин : сб. летописей / пер. с персид. Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семенова. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1, кн. 1. 221 с.
- Румянцев Г. И. Летопись рода соогол селенгинских бурят-монголов. Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1949. 175 с.
- Санжицыбикова Д. Б. История заселения Иволгинской долины бурятскими родами из Предбайкалья // Этнические процессы и традиционная культура. М. ; Улан-Удэ : ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2005. С. 46–55.
- Тавадов Г. Т. Этнология : учеб. для вузов. М. : Проект, 2002. 352 с.
- Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. // Записки ГИЯЛИ, 1939. Вып. 1. С. 101–130.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010а. Т. 1 : А–Н. 636 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010б. Т. 2 : О–Я. 708 с.
- Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.

Sources

- Baldaev S. P. *Buryaty. O buryatakh plemeni khongodor [Buryats. About the Buryats of the Hongodor tribe]. Tsentr vostochnykh rukopisei i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN [Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS]. Fund 36, Inventory 1, Case 883, p. 11, 94, 114. (In Russ.)*
- Author's field materials.* Expedition to the Hulunbuir City District of the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China, 2015–2017 A survey conducted in July 2017 in Bayan-Khure (informant – Buyandalger, born in 1947).

References

- Abramzon S. M. *Etnicheskiy sostav kirgizskogo naseleniya Severnoi Kirgizii [Ethnic composition of the Kyrgyz population of Northern Kyrgyzstan]. Trudy Kirgizskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii [Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition]. Moscow, AN SSSR Publ., 1960, Vol. 4, pp. 3–137. (In Russ.)*
- Avlyayev G. O. *Proiskhozhdenie kalmytskogo naroda [The origin of the Kalmyk people]. Elista, Kalmyk Book Publ., 2002, 325 p. (In Russ.)*
- Bakaeva E. P. *Torguty Mongolii: etnicheskii sostav i etnicheskie markery [The Torguts of Mongolia: ethnic composition and ethnic markers]. Problemy etnicheskoi istorii i kultury tyurko-mongolskikh narodov [Problems of ethnic history and culture of the Turkic-*

- Mongolian peoples*]. Elista, KHIR RAS Publ., 2009, Vol. 1, pp. 69–86. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Izbrannoe [Favourites]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1961, 178 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Genealogies and legends of Buryats]*. Ulan-Ude, NovaPrint Publ., 2019, 720 p. (In Russ.)
- Bolkhosev S. B., Bolkhoseva E. B. Problemy prarodiny etnicheskikh kornei buryatskoi gruppy segenutov [Problems of the Former Homeland and Ethnic Roots of the Buryat group of Segenuts]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2023, Vol. 44, pp. 99–120. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2023.44.99> (In Russ.)
- Dameshek L. M. (ed.). *Istoriya Ust-Ordynskogo Buryatskogo avtonomnogo okruga [History of Ust-Ordynsky Buryat Autonomous district]*. Moscow, Progress Publ., 1995, 544 p. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. Nekotorye dannye k istorii obrazovaniya buryatskogo naroda [Some data on the history of the Buryat people]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*. 1953, Vol. 1, pp. 38–63. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [The tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]*. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 621 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. *Affixalnoe slovoobrazovanie chastei rechi v buryatskom yazyke [Affixal word formation of parts of speech in the Buryat language]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1964, 246 p. (In Russ.)
- Dongak A. S. Toponimicheskie predaniya i legendy Yugo-Vostochnoi Tuvy [Toponymic legends and legends of Southeastern Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy [The New Research of Tuva]*. 2018, Vol. 3, pp. 126–147. (In Russ.)
- Egunov N. P. *Buryatiya do prisoedineniya k Rossii [Buryatia before joining Russia]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1990, Part 1, 170 p. (In Russ.)
- Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oirat-mongolov (konets XIX – nachalo XX v.) [Traditional beliefs of Oirat-Mongols (late XIX – early XX centuries)]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2012, 196 p. (In Russ.)
- Kereitov R. Kh. *Nogaitsy. Osobennosti etnicheskoi istorii i bytovoi kultury [Nogais. Features of ethnic history and everyday culture]*. Stavropol, Servisskhol Publ., 2009, 464 p. (In Russ.)
- Khetagurov L. A. (transl. from Mongol.), Semenov A. A. (ed., notes). *Rashid-ad-din. Sbornik letopisei [Rashid-ad-din. A collection of Chronicles]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, Vol. 1, Book 1, 221 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Morfologicheskaya struktura iskonno buryatskikh lichnykh imen i semantika ikh apellyativov [Morphological structure of primordially Buryat personal names and semantics of their appellatives]. *Onomastika Buryatii [Onomastics of Buryatia]*. Ulan-Ude, BB SB AS USSR Publ., 1976, Vol. 26, pp. 46–68. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. Etnicheskii sostav i rasselenie narodov Mongolskogo Altaya i Prikhubsuguliya v nachale XX veka [Ethnic Groups and Peoples Resettlement in Mongolian Altai and Khubsugul Region in the Beginning of XX Century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2013, Vol. 2, pp. 138–151. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Zabaikalskie buryaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie [Trans-Baikal Buryats in the 19th century: ethnic composition and settlement]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2016, 290 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z. *Irkutskie buryaty v XIX veke: etnicheskii sostav i rasselenie [Irkutsk Buryats in the XIX century: ethnic composition and settlement]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2018, 224 p. (In Russ.)
- Nimaev D. D. *Buryaty: etnogenez i etnicheskaya istoriya [Buryats: ethnogenesis and ethnic history]*. Ulan-Ude, ESSIC Publ., 2000, 190 p. (In Russ.)
- Ochir A. *Mongolskie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongolskikh narodov [Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]*. Elista, KHIR RAS Publ., 2016, 286 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Osobennosti leksicheskogo sostava nizhneudinskogo govora [Features of the lexical composition of the Nizhneudinsky dialect]. *Razvitie i vzaimodeistvie dialektov Pribaikaliya [The development and interaction of dialects of the Baikal region]*. Ulan-Ude, BB SB AS USSR Publ., 1988, pp. 43–68. (In Russ.)
- Rumyantsev G. I. *Letopis roda soogol selenginskikh buryat-mongolov [The chronicle of the Soogol family of the Selenga Buryats-Mongols]*. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian State Publishing house, 1949, 175 p. (In Russ.)
- Sanzhitsybykova D. B. *Istoriya zaseleniya Ivolskoi doliny buryatskimi rodami iz Predbaikaliya [The history of the settlement of the Ivolsky Valley by Buryat tribes from the Pre-Baikal region]. Etnicheskie protsessy i traditsionnaya kultura [Ethnic processes and traditional culture]*. Moscow, Ulan-Ude, ES-SACA Publ., 2005, pp. 46–55. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orođ toli. Buryatsko-russkii slovar [Buryaad-orođ toli. Buryat-Russian dictionary]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010a, Vol. 1: A–N, 636 p. (In Buryat; in Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryaad-orođ toli. Buryatsko-russkii slovar [Buryaad-orođ toli. Buryat-Russian dictionary]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010b, Vol. 2: O–I, 708 p. (In Buryat; in Russ.)
- Tavadov G. T. *Etnologiya. Uchebnik dlya vuzov [Ethnology. Textbook for universities]*. Moscow, Proekt Publ., 2002, 352 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. *Rasselenie buryatskikh plemen v XVII v. [The settlement of the Buryat tribes in the XVII century]*. *Zapiski Gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii [Notes of the State Institute of Language, Literature and History]*. 1939, Vol. 1, pp. 101–130. (In Russ.)
- Tsyendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye [Buryat Historical Chronicles and Pedigrees]*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1972, 662 p. (In Russ.)

- Vanchikova Ts. P., Chimitdorzhiev Sh. B., Ayusheeva M. V. (eds.). *Buryatskie letopisi [Buryat chronicles]*. Ulan-Ude, Republican printing house, 2011, 224 p. (In Russ.)
- Vostrov V. V., Mukanov M. S. *Rodoplenennoi sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX – nachalo XX v.) [Tribal composition and settlement of Kazakhs (late 19th – early 20th centuries)]*. Alma Ata, Nauka Publ., 1968, 256 p. (In Russ.)
- Zhdanko T. A. *Ocherki istoricheskoi etnografii karakalpakov. Rodoplemennaya struktura i rasselenie v XIX – nachale XX veka [Essays on the historical ethnography of the Karakalpaks. Tribal structure and settlement in the 19th – early 20th century]*. Moscow, AS USSR Publ., 1950, 172 p. (In Russ.)
- Zoriktuev B. R. *Aktualnye problemy istorii mongolov i buryat [Actual problems of the History of the Mongols and Buryats]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011, 278 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Болхосоев Станислав Борисович

кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Россия, 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru

Information about the author

Bolkhsoev Stanislav Borisovich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of ethnology and folk art culture, East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru